

— В Ленинград осенью я не спешил, там уже не было ни Брюнелли, ни Славы Ляцкого. Б.Е. защитил докторскую диссертацию в 1966 году. Я был на защите, помню, что при голосовании оказался один чёрный шар, то есть голос против, что меня очень удивило, так как на защите никто против не выступал, только хвалили. Диссертация у Б.Е. составила из довольно разнородных, на первый взгляд, вещей - разработка магнитометра (так и называвшегося потом - магнитометр Брюнелли), проведение магнитных наблюдений в Антарктиде, теория геомагнитных суббурь, то есть тут и конструкторская работа, и наблюдения, и морфологические исследования, и теоретическая интерпретация наблюдений. Этой универсальностью и отличался прежде всего стиль научной деятельности Б.Е.

— После защиты Б.Е., видимо, надеялся получить место профессора на нашей кафедре, где он был старшим научным сотрудником, но надежды его не оправдались, и он перешёл на кафедру радиофизики к Глебу Ивановичу Макарову, где и стал профессором. Он оставался моим научным руководителем, а я по-прежнему числился аспирантом кафедры физики Земли.

— В 1967 году Б.Е. предложили место заместителя директора по науке Полярного Геофизического института (ПГИ) Кольского филиала Академии Наук СССР, и он переехал в город Апатиты Мурманской области, где располагался Президиум Кольского филиала и административный корпус ПГИ. Таким образом уже на первом году аспирантуры я оказался на значительном географическом удалении от своего научного руководителя, с которым встречался теперь раз в два-три месяца, а то и реже, съезжаясь с ним в Ленинграде или приезжая к нему в Апатиты.

— Вслед за Брюнелли уехали на Север и Ляцкие. У Славы срок аспирантуры заканчивался в декабре 1967 года. Шла к концу и работа над диссертацией, нужно было думать о дальнейшем своём и Аллочкином трудоустройстве. В Ленинграде найти работу было непросто (даже и кандидату наук, правда, какие-то возможности были, кажется, в ААНИИ). Но Слава особенно и не цеплялся за Ленинград, хотя у них с Аллочкой имелось в Ленинграде жильё, а именно, двухкомнатная кооперативная квартира в Новом Петергофе, купленная на деньги, заработанные в северных экспедициях и сэкономленные на чём только можно, не обошлось, наверное, и без помощи обеспеченных Аллочкиных родителей.

— Главное, что хотелось Славе, - это создать вокруг себя группу, научный коллектив единомышленников, и было естественно сначала попытаться сохранить в одном месте ту группу, которая уже сложилась: Слава, Юра Мальцев, Виталик Чмырёв и я, тем более, что и нам троим в скором будущем также предстояло решать вопрос о месте своей дальнейшей работы. Правда, у меня впереди ещё были два с половиной года учёбы в аспирантуре. Юра и Виталик же оканчивали ЛГУ в этом, 1967 году.

— Юра был распределён в аспирантуру к Брюнелли (тот тогда ещё не уехал из Ленинграда), а Виталик... в Ладушкин! - не без моей агитации, конечно. Юра был ленинградец, точнее, гатчинец, а Виталик - иногородний (из Ставрополя) и на Ленинград ему не приходилось рассчитывать. К тому же он был женат на студентке филфака, тоже иногородней (ростовчанке), и ему нужно было жильё, что гарантировалось в Ладушкине, откуда имелась заявка на одно место. К этому варианту я и склонил Виталика, да, впрочем, других-то сколько-нибудь подходящих и не было, а Ладушкин привлекал и квартирой, и моими живописаниями окрестностей, и тем, что там уже были знакомые люди - я, Сашенька.

— Вполне естественно, что Слава при своём желании создать группу пришёл к мысли, а не собратся ли нам всем в Ладушкине? Эту идею поддержали все члены нашей группы, хотя Славе с Аллочкой и Юре это грозило потерей ленинградской прописки, а для нас с Сашенькой означало окончательно распрощаться с мечтами о жизни в Ленинграде. У

меня, правда, эти мечты постепенно уже засыхали, уступая место тем истинам, что не место красит человека, а человек место, и что лучше быть первым на деревне, чем последним в городе. Смущало меня явное превосходство Славика в научном таланте, несколько охлаждая моё желание быть у него в группе, но понимание плодотворности нашего общения всё же брало вверх.

— Так вот, идея создать группу в Ладушкине не осталась только вариантом в наших обсуждениях. Была предпринята попытка её осуществить, для чего мы со Славиком отправились в ИЗМИРАН предлагать свои услуги директору - Николаю Васильевичу Пушкиву.

— Он принял нас в своём кабинете. Мы изложили, с чем приехали. Славик предъявил список своих научных трудов и письмо Брюнелли, что-то вроде ходатайства, точнее, отзыв научного руководителя, подтверждающий научную состоятельность Славы и готовность его диссертации.

— Предложение наше состояло в том, чтобы дирекция ИЗМИРАН приняла на работу в Ладушкин Славу, Аллочку и Юру, или хотя бы Славу и Юру, или для начала Славу, а остальных потом (обо мне можно было пока не говорить, я и так жил в Ладушкине, сохраняя своё аспирантское место в Ленинграде). Мы, в свою очередь, гарантируем силами группы поднять на мировой уровень исследования геомагнитных пульсаций в ИЗМИРАНе. Именно пульсаций, мы как-то не думали о возможной смене направления, всем хотелось продолжать начатое и совершенствовать достигнутое. Нам и в голову не приходило задуматься над тем, а нужны ли ИЗМИРАНу исследования пульсаций вообще?

— Пушкив (тогда ему было лет 65), несмотря на свой внешне брюзгливый вид, выслушал нас внимательно и разговаривал с нами доброжелательно. Суть сказанного им сводилась к следующему.

— "Всё это хорошо и прекрасно. Но с чего вы решили, что в ИЗМИРАНе есть свободные места для вас, хотя бы и в Ладушкине? У меня от докторов наук заявления о приёме лежат, а взять некуда, да и не всякий доктор ещё ИЗМИРАНу нужен. Это во-первых.

— Во-вторых, пульсации - это не наша тематика. Мы в своё время хотели за них взяться, но эту тематику отдали в Институт физики Земли. Делают они там всё не так, с нами сотрудничать не желают, а мы, чтобы не враждовать с ними, эту тематику у себя вообще не развиваем и развивать не собираемся. Так что вы обратились не по адресу, предлагайте свои услуги Троицкой" (тогда она считалась ведущим специалистом в Союзе по пульсациям, доктор наук из ИФЗ).

— На этом наш разговор и кончился, после чего у Славы интерес к Ладушкину пропал. А тут Брюнелли переехал в Апатиты и предложил Славе и Аллочке работу в ПГИ, правда, не в Апатитах, а в Лопарской - в 50 километрах от Мурманска, где располагалась большая часть сотрудников и научного оборудования ПГИ, и где проходила преддипломную практику Сашенька. Ляцким имело прямой смысл принять это предложение, и они его приняли. Действительно, Север был им знаком, они подолгу жилали в Ловозеро, где проходили практику, природа Кольского полуострова им нравилась, деньги там платили большие, а у них были долги за кооператив, прописка и квартира в Ленинграде сохранялись, да к тому же квартиру можно было сдать и получать дополнительный доход. Работать предстояло под руководством Брюнелли, изученным вдоль и поперёк, по той же тематике, что и в университете. Обещалась со временем и квартира в Апатитах, более цивилизованном месте, чем Лопарская, пока же давали комнату в Лопарской. Брюнелли приводил ещё тот довод, что самые интересные магнитосферные явления происходят как раз в полярных областях, где и положено работать физикам-магнитосферщикам. Слава, правда, считал себя целиком теоретиком (хотя и начинал с эксперимента) и полагал, что теорией полярных явлений можно заниматься и вдали от самих явлений.

— Так или иначе, но где-то в середине 1967 года Слава, не дожидаясь окончания аспирантуры, поступил работать на должность эмэнэса в ПГИ, куда приняли и Аллочку. А вслед за ними засобирались в ПГИ и Юра Мальцев, который решил отказаться от

аспирантуры в ЛГУ, поскольку и Слава - его фактический научный руководитель, и Б.Е. переехали в ПГИ. Место для Юры предстояло ещё пробить, но, учитывая должность Б.Е. и давление на Б.Е. со стороны Славы, можно было надеяться, что ставка для Юры найдётся.

— Юра в описываемое время как раз женился - на простой гатчинской девушке "из народа". Помню, как он объявил нам, что завтра в университете не будет, потому что завтра у него "венчание". Помню наш разговор с ним в электричке (ездили к Ляцким в Петергоф) по поводу литературы "о любви" (речь шла о каком-то конкретном произведении) и его заявление, что эта проблема его вообще не интересует, поскольку для себя он её решил.

— Слава, конечно, агитировал и меня перебраться в ПГИ, но моё положение меня пока устраивало, а ехать на Север с маленькой Иринкой наверняка бы не согласилась Сашенька, в которой ещё не совсем угасли надежды и на Ленинград. У Ляцких, между прочим, тоже уже имелась дочь Юля (названная так в честь Юлия Даниэля, а я Славе предлагал её Синявой назвать - в честь Синявского), ей был тогда год, но они оставили её на первое время у Аллочкиных родителей и забрали к себе, когда получили квартиру в Апатитах.

(продолжение следует)